

Период	Сущность периода	Продолжительность (в годах)				Среднее значение	
		Египетская культура	Античная культура	Китайская культура	Западная культура		
Цивилизация	Цивилиз. 1	«Господство денег («демократии»)»	125	200	230	120	168,75
	Цивилиз. 2	«Восхождение цезаризма. Победа политики силы над деньгами»	222	200	276	200	224,5
	Цивилиз. 3	«Созревание окончательной формы», «внеисторическое окончание»	133	100	194		106,75

Что же здесь, собственно, даёт основания для пророчеств? Ведь даже если согласиться с концепцией автора, то и тогда продолжительность периодов для разных культур не совпадает, а это исключает возможность точных прогнозов в духе Шпенглера.

Почему автор так уверен, что конец «демократии» настанет именно в 2000 году, а не в 2100? Почему эпоха Сражающихся Царств — это, по его мнению, «господство денег» (: 199)?

Почему даты с точностью до первого знака перед запятой даны только для египетской культуры? Ведь её датировка — самая ненадёжная из всех названных: пределом точности для эпохи Рамсесов считается ± 20 лет, для начала II тыс. до н. э. — ± 50 лет. Допустим, автор хотел быть предельно точным. Но в таком случае почему же эпохи европейской истории округлены у него до столетий (за одним исключением — 1880 г.)?

Почему, наконец, для античной культуры её заключительная фаза включена в счёт лет «поздней эпохи», а для остальных — наращена на них (ср. даты: Шпенглер 1993: 198 и 199)?

И это называется «математической точностью»?

IV.8.9. «Поля» и «векторы» Тойнби

У А. Дж. Тойнби нет математических выкладок, но есть поиск пространственных «полей» и «векторов» развития цивилизаций, причём те и другие весьма слабо обоснованы. Так, он выстраивает пространственные оси западного мира (Тойнби 1991: 35—36) и православного христианского — то есть византийского (: 42—44). Географической осью Запада Тойнби считает земли Лотаря I (внука Карла Великого), тянувшиеся от Рима до Нидерландов. Эту ось пересекала вторая, поперечная — почему-то в Меце (Тойнби 1991: 35). Но ведь и в средние века «все дороги вели в Рим», а не в Мец — *какое-то время* столицу одной лишь Австразии, одной из частей Франкского королевства при «ленивых королях»! Однако из этих и подобных построений английский историк делает далеко идущие выводы о воле исторического провидения. Например:

«Почему Рим протянул свою властную руку на северо-запад? Потому что его теснила туда смертельная схватка с Карфагеном. Почему, перевалив за Альпы, он не закрепился

на Рейне и не двинулся дальше, к более удобной естественной границе по Балтике, Висле и Днестру? Потому что в век Августа, после двух столетий изнурительных войн и революций, истощились запасы жизненной энергии Рима» (Тойнби 1991: 37).

Дело, конечно, не в этом. Римская политическая структура могла действовать, лишь опираясь на городское самоуправление: в ней не было аппарата для управления народами, не имеющими такой организации. На «северо-западе» — в большей части Галлии такая структура сложилась ещё до римского завоевания, оставалось надстроить над ней провинциальную администрацию, что римляне и сделали. А за Рейном такой организации ещё не было. Её можно было бы создать, разве что переселив в Германию миллионы колонистов (способ, применённый в Дакии), но на это у империи не хватило бы людских ресурсов. Как мог столь крупный историк, как А. Дж. Тойнби, не заметить, что всё естественно объясняется и без помощи нарисованных на карте векторов и мистической «жизненной энергии» — той самой *vis vitalis*, от которой биологи отказались уже к концу XIX века?

В случае же с Византией «оси» получаются такие, что нанести их на карту либо вообще не удаётся, либо на таких осях ни одна телега никуда не поедет. Рассмотрим:

«Если мы попытаемся отыскать стержневую ось православного христианского мира, то обнаружим, что <... > она берёт своё начало в центре эллинского мира, в Эгейском море. Однако простёрлась она в другом направлении и на другое расстояние. Тогда как в первом случае движение шло на северо-запад — от Эгейского моря к Лотарингии, во втором случае оно шло в северо-восточном направлении, пересекая по диагонали Анатолию (нынешнюю Турцию), проходя между Константинополем и Неокесарией⁸⁵. Эта линия значительно короче, чем линия между Римом и Римской стеной <... >. Экспансия православного христианского общества шла отнюдь не по прямой, и наша условная осевая линия, будь она продолжена в обоих направлениях, образовала бы фигуру полумесяца с рогами, обращенными на северо-запад и северо-восток. На северо-востоке православное христианство первоначально закрепились в Грузии, в предгорьях Кавказа, а к началу VIII в. н. э. оно перевалило через Кавказский хребет, достигнув Алании, откуда был открыт выход в Великую Евразийскую степь <... >. На северо-западе православное христианство охватило Балканы и готовилось совершить прыжок в Центральную Европу, но здесь оно оказалось в конкуренции с западным христианством» (Тойнби 1991: 42—43).

Ну, допустим. Но как эта ось могла брать начало «в центре эллинского мира, в Эгейском море», а не в Константинополе, если в Византии провинции были лишь придатками столицы? Чуть дальше, однако, выясняется, что поперечная ось этой цивилизации — от Южной Италии до Чёрного моря и далее, вплоть до Тихого океана (куда православие пришло вместе с русскими землепроходцами), «пересекала главную ось в Константинополе» (: 43). Между тем дуга, очерченная страницей выше, одним рогом упирающаяся в Балканы, а другим — в Кавказ, не может проходить и через Константинополь, и через Эгейское море разом! И потом, для какой эпохи указана «экспансия православного христианского общества»? Если для Юстиниановой — в то время её направления были иными. Если для эпохи Македонской династии (что можно лишь угадать из контекста), то было ведь и юго-восточное направление: на некоторое время византийцам удалось отвоевать даже Антиохию. Какой смысл сводить всё только к двум осям, которые к тому же загнуты штопором?

⁸⁵ Современный Никсар (точнее, Ныксар) в вилаете Токат, Турция.

Позже подобные построения высмеял С. Н. Паркинсон, автор знаменитого «закона Паркинсона» (число чиновников растёт с постоянной скоростью, независимо от количества дел). В очерке «*Карусель*» он, принимая деление людей по Б. и С. Уэбб на категории А («аристократы, анархистские и артистические натуры») и Б («буржуа, бюрократы и благодетели»), пародийно делит Англию на зоны господства этих двух типов. причём граница — прямая линия от Лондона до Ливерпуля: «Если точнее, она идёт от Гастингса до причала Мэд-Фрешфилд-Уорф, пересекая Лондон на Уэст-Энд и Сити, а парламент — на палату общин и палату лордов. Центром всей системы — теперь это очевидно — является деревня Эджкот в Нортгемптоншире» (Паркинсон 1989: 186). При этом обе половины делятся на «зону отчаяния» (крайний северо-запад), «честолюбия» (центр) и «привилегий» (юго-восток). Так, «ливерпульский район отчаяния» включает А из Биркенхеда и Б из соседних городов. Зато карьерный рост приводит в зону привилегий группы А (с центром, «конечно же, в Беркшире») или Б — «в Норфолке или Кенте; или — ещё лучше — на границе между Эссексом и Саффолком»; переход между этими «зонами привилегий» происходит «через Найтсбридж» (: 186—187). Схема вроде бы красивая и понятная, но все стрелки на ней указывают куда-то в пустое пространство, несмотря на (якобы) точность.

Правда, некоторые идеи А. Дж. Тойнби с синергетикой перекликаются. Так, «... условие, требуемое для удержания порыва роста, — это наличие неустойчивого равновесия» (Тойнби 1991: 304) — современные авторы (например, А. П. Назаретян) говорят, напротив, об устойчивом неравновесии синергетических систем. В одном месте даже появляется описание развития в терминах самоорганизации:

«Мы видели, что рост цивилизаций по своей природе является поступательным движением. Цивилизации развиваются благодаря порыву, который влечет их от вызова через ответ к дальнейшему вызову; от дифференциации через интеграцию и снова к дифференциации. Этот процесс не имеет пространственных координат, ибо прогресс, который мы называем ростом, представляет собой кумулятивное поступательное движение, и кумулятивный характер его проявляется как во внутреннем, так и во внешнем аспектах. В макрокосмосе рост проявляется как прогрессивное и кумулятивное овладение внешним миром; в микрокосмосе — как прогрессивная и кумулятивная внутренняя самодетерминация и самоорганизация. Оба эти проявления — внешнее и внутреннее — дают возможность определить прогресс самого порыва» (Тойнби 1991: 214).

Принципиально важна для синергетики непредсказуемость поведения динамических систем, в развитии которых встречаются точки бифуркации. В теории Тойнби роль таких точек играют Вызовы, на которые цивилизация может дать разные Ответы. А это исключает предвидение в духе Шпенглера или хотя бы Гумилёва. И Тойнби — как и все осторожные философы истории, включая Гегеля, — воздерживается от пророчеств. Такая нотка проскальзывает у него лишь единожды: «Это изменение безошибочно указывает на конец прилива, достигшего своей высшей точки в 1875 г., и начало отлива, который будет протекать в течение четырёх веков, если он предвещает повторение предыдущей, так называемой средневековой, фазы в западной истории...» (Тойнби 1991: 20).

Предсказать для такой системы можно лишь одно: она не будет вечной, поскольку постоянно ведёт сложную игру с хаосом, на стороне которого — неумоли-

мый закон энтропии. М. Е. Ткачук (1996: 115) сочувственно цитирует патетическую фразу Е. Н. Князевой и С. П. Курдюмова: «Получается, что организация (структура) существует только потому, что существует конечное время. Жить конечное время, чтобы вообще жить! Внутри жизни имманентно заключена смерть. Или иначе: лишь смертное способно к самоорганизации. Возможно, что это один из законов эволюции... хаос в этом аспекте предстаёт как средство борьбы со смертью». Однако почти такую же фразу своего дяди (крупного историка) А. Дж. Тойнби вынес в эпитафию всего своего историсофского компендиума: «Смерть — это цена, оплаченная жизнью для повышения сложности структуры живого организма. *Arnold Toynbee, Life After Death*».

Однако можно ли всё это считать синергетическим уклоном в творчестве английского автора? Не найдём ли мы в любом крупном произведении на близкие темы отдельных мыслей такого рода, рассеянных то там, то сям по тексту? Не общие ли это места, в конце концов? И надо ли считать любое упоминание о хаосе признаком внимания к синергетической проблематике, если без этого понятия не обходятся даже самые примитивные мифологии? Гесиод (*Теогония*, 117) упоминает Хаос в начале всего. Ло Гуаньчжун (XIV в.) начинает свой классический роман «Троецарствие» формулой исторического циклизма: «Говорят, что великие силы Поднебесной после длительного разобщения непременно воссоединяются, а после длительного воссоединения вновь разобщаются» (перевод В. Панасюка). Айвазовский изобразил волновой процесс — на картине «*Девятый вал*». Что же, зачислим их всех в синергетики?

В. Н. Дёмин на синергетику нигде прямо не ссылается. Но термины его физической теории (флуктуации, сингулярность, физический вакуум, играющий роль хаоса, и пр.) настолько близки к используемым синергетикой, а Космос настолько напоминает систему, что было бы достаточно очень незначительной редактуры.

Взгляд на этносы и культуры как на личности высшего порядка избавляет Н. С. Трубецкого от экскурсов в общую теорию систем. Хотя он был одним из предтеч структурализма, но только в области лингвистики. Его идеи совместимы с теорией систем, но не более того.

Наконец, не прибегает к рассуждениям о системах Г. Вирт. Ему вполне достаточно мистического циклизма «колеса Кродера»

В целом же применение математики в исторических исследованиях, разумеется, весьма плодотворно, но это не значит, что мы уже сейчас готовы перевести весь исторический процесс на язык цифр и формул и с гордостью сказать о нём: «исчислен, исчислен, взвешен и разделён» (Даниил 5:25—28). Пока что мы вынуждены ограничиться сферой экономической и демографической статистики за последние 200—300 лет, а также данными социологических исследований начиная с 1930-х годов. Для большего у нас пока нет ни данных, ни методов их получения и анализа.